

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА¹

Настоящий перевод сделан по первому изданию «Феноменологии духа» (Bamberg und Würzburg bei J. A. Göbhardt, 1807), за исключением первых листов «Предисловия», которое Гегель успел прокорректировать для второго издания (1832). Тщательно отредактированный Георгом Лассоном текст — первое издание 1907 г. (по счету пятое) и его же второе издание 1921 г. — служил для переводчика вспомогательным материалом. Приложенные к изданию Лассона «разночтения» первых трех изданий (третье издание 1841 г., как и второе, под ред. И. Шульце; четвертое — под ред. Болланда, воспроизводит текст второго издания) дают возможность принимать во внимание редакционные изменения, внесенные во второе и третье издание Шульце. Лучшим свидетельством в пользу авторитетности первого издания служит то обстоятельство, что Лассон, принявший в своем первом издании много поправок Шульце, в издании 1921 г. отказывается почти от всех отступлений от текста 1807 г. Собственные конъектуры и поправки Лассона также приняты во внимание.

---

¹ Переводчик — Густав Густавович Шпет (1879–1937), выдающийся отечественный философ, репрессированный в 1930-е гг. прошлого века. Перевод «Феноменологии духа» был сделан им в ссылке в Томске в 1935–1937 гг., впервые издан в 1959 г. в составе Собрания сочинений Гегеля (т. IV). Первый русский перевод «Феноменологии духа» под ред. Э. Радлова увидел свет в 1913 г.

Издание Лассона снабжено детализирующими заголовками параграфов. Так как они облегчают пользование текстом, они воспроизводятся в нашем переводе.

«Феноменология духа» считается одним из труднейших, если не самым трудным для понимания произведением философской литературы. В основном трудность и запутанность изложения «Феноменологии духа» проистекают из того, что поскольку в ней всякое более высокое формообразование сознания повторяет и включает в качестве моментов диалектические ступени предшествовавших стадий и формообразований, постольку Гегель старается провести и некоторое повторяющееся единство словесного выражения. Этот формализм приводит к тому, что, например, терминология, ясная в применении к одной стадии, на другой превращается в сплошное иносказание. Конкретному историческому приурочению того или иного момента Гегель помогает иногда лишь вскользь упомянутым термином, специфическим выражением или скрытой цитатой. Догадки, основанные на знании истории культуры и философии, сплошь и рядом не достигают цели.

Перевод — не комментарий; и трудности, которые пришлось преодолевать переводчику, — особого рода. Прежде всего самый язык Гегеля, даже в устной речи шокировавший Шиллера и Гёте. Но, несмотря на своеобразную лексику, небрежную конструкцию, стилистически причудливые обороты и сбивающие с толку повторения местоимений, это язык заметно яркого стиля: тяжеловесный и в то же время выпененный, архаический по составу и смысловому значению слов, вдруг прерываемый мелким афоризмом, смелым сочетанием слов и почти публицистической риторикой. Но все же в целом трудности перевода с этой стороны не непреодолимы.

Серьезнее затруднения терминологические. Имеется сообщение, будто Гегель собирался написать «Фено-

менологию духа», не пользуясь латинской и греческой терминологией; он отказался от этой мысли, но некоторые исследователи тем не менее хотят видеть отражение этого намерения в обилии онемеченных терминов в этом произведении Гегеля. Верен или неверен указанный биографический факт, но последнее наблюдение не подлежит сомнению, и, поскольку это свидетельствует о намерении Гегеля, оно обязывает переводчика глубже вдуматься в смысл этого намерения. Прежде всего нельзя не заметить, что эта особенность терминологии Гегеля присуща вовсе не одной только «Феноменологии духа». Далее, немецкие термины у Гегеля частью — оригинальные, его собственные термины, частью — традиционные термины докантовской, то есть преимущественно вольфовской философии, наряду с которыми, однако, свободно удерживается латинская терминология Спинозы. Но зато можно заметить, что Гегель, формулируя собственные мысли, избегает латинской терминологии субъективного идеализма, с которым он боролся. Отсюда вытекают некоторые указания для переводчика. Немецкая терминология Вольфа частично сама была взята из общенемецкого литературного и разговорного языка, частично же, будучи первоначально искусственной, ко времени Гегеля вошла в общее литературное употребление. Так как ничего похожего в развитии русской философской терминологии не было, а для нас остается более привычной и более понятной латинская терминология, то было бы простым педантизмом изобретать русифицированную терминологию параллельно немецкой гегелевской или вводить ломаные русские слова там, где традиция не укрепилась или вовсе молчит. Гегель сам однажды (в «Предисловии» ко второму изданию «Науки логики») высказался в том смысле, что не пользоваться словами, заимствованными из чужих языков и получившими в философии права гражданства, было бы не-

уместным «аффектированным пуризмом» (кстати, для иллюстрации — два латинизма). Иное дело — немецкие термины, которыми пользовался Гегель, намеренно противопоставляя их терминологии Канта и Фихте. Здесь необходимо тщательно следить за тем, чтобы на место гегелевского не подставить такого термина, от которого Гегель отталкивался. Прочной традиции и согласованного единства в употреблении такого рода терминов у нас не существует. Даже некоторые условно принятые термины и более или менее подходящие в других контекстах оказались непригодными в «Феноменологии духа». Дело в том, что упомянутое выше упорство Гегеля в проведении формально-общего термина через соответствующие моменты даже далеко отстоящих друг от друга диалектических ступеней вдруг выдвигает такой оттенок значения, который принятыми в переводах терминами никак не передается. Больше того, Гегель с особенным пристрастием относится к словам немецкого языка, выражающим не только разные, но подчас и противоположные значения; он усматривает в этом «умозрительный дух самого языка» и признается, что «мышлению доставляет радость» наталкиваться на такие слова. Отказываясь вследствие этого в некоторых случаях от уже предлагавшихся у нас переводов такого рода выражений и терминов, переводчик все же старался в общем по возможности согласовать свой перевод с более или менее принятой передачей их, если, конечно, не встречал в ней простой ошибки (вроде, например, толкования конкретного как «сращенного», Erinnerung как «внедрение», перевода Einsicht как «умозрения» и т. п.).

Далее, некоторые слова и выражения Гегеля, которые нельзя назвать терминами в строгом смысле, приобретают у него характер терминов в силу того же настойчивого применения их в разных контекстах диалектического движения. Некоторые выражения такого

рода особенно туго поддавались единообразной передаче; как, например, *Verkehrung* (положение в обратном виде или, наоборот, извращение), *Einsicht* (уразумение, усмотрение, здравый взгляд, здравомыслие) и др. Чтобы подсказать читателю единство в таких случаях словоупотребления у Гегеля, в нужных местах в скобках повторяется немецкое слово.

Наконец, наибольшие затруднения доставляет перевод столь излюбленных Гегелем каламбуров и сопоставлений, противопоставлений, параллелей, основанных иногда на смысле слов, а иногда — на чисто внешней «вульгарной» этимологии слова. Там, где переводчику не удавалось найти более или менее адекватной параллели в русском языке или вовсе не удавалось передать игры слов, он в скобках помещал немецкие пары сопоставляемых или противопоставляемых выражений.

АННОТАЦИЯ¹

[В издательстве Й. А. Гёбхардта (Бамберг и Вюрцбург) вышла в свет: Система наук Г. В. Ф. Гегеля. Первый том. Феноменология духа. 1807.]

В этом томе представлено *знание в процессе его становления*. Феноменология духа должна занять место психологических объяснений, а также абстрактных рассуждений по поводу обоснования знания. Она рассматривает *приготовление* к науке со своей особой точки зрения, вследствие чего феноменология духа выступает в качестве новой и интересной науки, исходной для философского познания. В рамках феноменологии духа различные *формообразования (геистальты) духа* представлены как этапы пути, проходя через которые дух становится чистым знанием или абсолютным духом. Этот путь рассматривается в основных разделах данной науки, которые разделяются затем на несколько подразделов: сознание, самосознание, наблюдающий и действующий разум, сам дух как нравственный, образовательный и моральный дух и, наконец, как религиозный дух в его различных формах. Богатство явлений духа, которое на первый взгляд представляется

---

¹ Данная аннотация появилась сначала в «Бамбергской газете» от 28 июня — 10 июля 1807 г. и затем в «Йенской всеобщей литературной газете» от 28 октября 1807 г. и принадлежит, по всей вероятности, самому Гегелю. Перевод выполнен Ю. П. Селивановым по изданию: *Materialen zu Hegels «Phänomenologie des Geistes»* / Hrsg. von H. F. Fulda und D. Henrich. Fr. a/M.: Suhrkamp, 1973. S. 7–8.

хаосом, приведено в научный порядок, в котором они представлены, следуя их собственной необходимости, и в соответствии с которым менее развитые проявления духа преодолеваются и переходят в более высокие, выступающие в качестве ближайшей истины предшествующих. Свою итоговую истину они находят сперва в религии, а затем в науке как результате исследования в целом.

В *Предисловии* автор излагает свой взгляд на то, в чем, как ему представляется, состоят задачи философии в ее настоящем положении, далее говорится о самонадеянности и бесчинстве философского формализма, которые в последнее время нанесли урон достоинству философии, и о том, к чему вообще это привело философию и ее изучение.

Второй том будет содержать систему логики в качестве спекулятивной философии и две остальные части философии, науки о природе и о духе.

ПРЕДИСЛОВИЕ

I. Научная задача нашего времени

1. Истина как научная система

Объяснение в том виде, в каком его принято предпосылать произведению в предисловии, — по поводу цели, которую ставит себе в нем автор, а также по поводу его побуждений и того отношения, в каком данное произведение, по его мнению, стоит к другим, прежним или современным, опытам разработки того же предмета, — такое объяснение в философском сочинении как будто не только излишне, но, по сути дела, даже не соответствует и противоречит цели его. Ибо то, как в предисловии было бы уместно говорить о философии и что было бы уместно сказать, — дать, например, историческое *разъяснение* тенденции и точки зрения, общего содержания и результатов, показать связь разноречивых утверждений и уверений, касающихся истинного, — это не может считаться тем способом, каким следовало бы излагать философскую истину. Кроме того, так как философия по существу своему относится к стихии всеобщности, которая включает в себя особенное, то в ней чаще, чем в других науках, впадают в иллюзию, будто в цели и в конечных результатах выражается сама суть дела, и даже в совершенной ее сущности, рядом с чем выполнение, собственно говоря, несущественно. Напротив того, в общем представлении о том, что такое, например, анатомия, — скажем, знание час-

тей тела в их лишенном жизни наличном бытии, — мы (в этом убеждены все люди) еще не располагаем самой сутью дела, содержанием этой науки, а должны, сверх того, позаботиться об особенном. Далее, когда речь идет о таком агрегате сведений, который не имеет права именоваться наукой, обмен мнений о цели и тому подобных общих вопросах обыкновенно не отличается от того описательно-исторического и не прибегающего к понятиям способа, каким говорится и о самом содержании — о данных нервах, мышцах и т. д. Но в философии получилось бы несоответствие между применением такого способа изложения и тем обстоятельством, что сама философия признает его неспособным выразить истину.

Точно так же определением того отношения к другим трудам, посвященным тому же предмету, какое рассчитывает занять философское произведение, привносится чуждый интерес и затемняется то, что важно при познании истины. Противоположность истинного и ложного так укоренилась в общем мнении, что последнее обычно ожидает или одобрения какой-либо имеющейся философской системы, или несогласия с ней, а при объяснении ее видит лишь либо то, либо другое. Общее мнение не столько понимает различие философских систем как прогрессирующее развитие истины, сколько усматривает в различии только противоречие. Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как

и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого. Но, с одной стороны, по отношению к философской системе противоречие обычно понимает себя само не так, а с другой стороны, постигающее сознание сплошь и рядом не умеет освободить его от его односторонности или сохранить его свободным от последней и признать взаимно необходимые моменты в том, что кажется борющимся и противоречащим себе.

Требование подобного рода объяснений, точно так же как и удовлетворение его, легко сходит за занятие самим существом дела. В чем же могла бы лучше выразиться внутренняя суть философского сочинения, как не в целях и результатах его, и как иначе эти последние можно было бы выявить определеннее, как не по их различию от того, что еще порождается эпохой в той же сфере? Но если такой способ действия считать чем-то большим, чем началом познания, если его считать действительным познанием, то в самом деле его надо причислить к уловкам, дающим возможность не касаться самой сути дела и сочетать видимость серьезности и рачения о ней с фактическим избавлением себя от них. Ибо суть дела исчерпывается не своей *целью*, а своим *осуществлением*, и не *результат* есть *действительное* целое, а результат вместе со своим становлением; цель сама по себе есть безжизненное всеобщее, подобно тому как тенденция есть простое влечение, которое не претворилось еще в действительность; а голый результат есть труп, оставивший позади себя тенденцию. Точно так же *различие* есть скорее *граница* существа дела; оно налицо там, где суть дела перестает быть, или оно есть то, что не есть суть дела. Такое рачение о цели или о результатах, точно так же как о различиях и обсуждении того и другого, есть поэтому работа более легкая, чем, быть может, кажется. Ибо вместо того, чтобы заняться существом дела, такой способ

действия всегда выходит за его пределы; вместо того, чтобы задержаться на нем и в нем забыться, такое знание всегда хватается за что-нибудь другое и скорее остается при самом себе, чем при существе дела и отдается ему. Самое легкое — обсуждать то, в чем есть содержательность и основательность, труднее — его постичь, самое трудное — то, что объединяет и то и другое, — воспроизвести его.

Образование и высвобождение из непосредственности субстанциальной жизни всегда и необходимо начинается с приобретения знания *общих* принципов и точек зрения, чтобы сперва только дойти до *мысли* о существе дела *вообще*, а равным образом для того, чтобы подкрепить его доводами или опровергнуть, постигнуть конкретную и богатую полноту по определенностям и уметь принять относительно его надлежащее решение и составить серьезное суждение. Но прежде всего это начало образования даст место той серьезности наполненной содержанием жизни, которая вводит в опыт самой сути дела; и если еще к этому в ее глубину проникнет серьезность понятия, то такое знание и обсуждение удержат за собой подобающее им место в обмене мнений.

Истинной формой, в которой существует истина, может быть лишь научная система ее. Моим намерением было — способствовать приближению философии к форме науки — к той цели, достигнув которой она могла бы отказаться от своего имени *любви к знанию* и быть *действительным знанием*. Внутренняя необходимость того, чтобы знание было наукой, заключается в его природе, и удовлетворительное объяснение этого дается только в изложении самой философии. *Внешняя* же необходимость, поскольку она независимо от случайности лица и индивидуальных побуждений понимается общо, та же, что и *внутренняя*, в том именно виде, в каком время представляет наличное бытие своих мо-

ментов. Показать, что настало время для возведения философии в ранг науки, было бы поэтому единственно истинным оправданием попыток, преследующих эту цель, потому что оно доказывало бы необходимость цели, больше того, оно вместе с тем и осуществляло бы ее.

2. Современное образование

Когда истинная форма истины усматривается в научности, или — что то же самое — когда утверждается, что только в *понятии* истина обладает стихией своего существования, то я знаю, что это кажется противоречащим тому представлению — и вытекающим из него следствиям, — которое в убеждении нашего времени столь же сильно претенциозно, сколь и широко распространено. Поэтому некоторое объяснение по поводу этого противоречия, видимо, не излишне, хотя бы оно оставалось здесь всего лишь уверением — таким же, как то, против чего оно направлено. Ведь если истинное существует лишь в том или, лучше сказать, лишь как то, что называется то интуицией (*Anschauung*), то непосредственным знанием абсолютного, религией, бытием — не в центре божественной любви, а бытием самого этого центра, — то уже из этого видно, что для изложения философии требуется, скорее, то, что противно форме понятия. Абсолютное полагается-де не постигать в понятии, а чувствовать или созерцать; не понятие его, а чувство его и интуиция должны-де взять слово и высказаться¹.

Если явление такого требования понять в его более общей связи и видеть его на той ступени, на которой

---

¹ Защитниками оспариваемого здесь взгляда являются Якоби и романтики Шлегель и Шлейермахер. — Здесь и далее звездочками обозначены примечания, основанные на юбилейном издании «Феноменологии духа» (под ред. Г. Лассона). Лейпциг, 1907. Остальные примечания Г. Шпета помечаются «Примеч. переводчика».

ныне стоит обладающий самосознанием дух, то оказывается, что он поднялся над субстанциальной жизнью, которую он прежде вел в стихии мысли, — над этой непосредственностью своей веры, над удовлетворенностью и уверенностью, вытекающей из достоверности, которой обладало сознание относительно его примирения с сущностью и ее общим, внутренним и внешним, наличием. Он не только вышел за пределы всего этого и перешел в другую крайность — к своей рефлексии в самое себя, лишенной субстанциальности, но и вышел за пределы этой же рефлексии. Для него не просто потеряна его существенная жизнь; он, кроме того, сознает эту потерю и брэнность, которая составляет его содержание. Отворачиваясь от грязного осадка, признавая, что он «лежит во зле», и порицая это, он требует теперь от философии не столько знания того, что *есть* он, сколько лишь восстановления с ее помощью названной субстанциальности и основательности бытия. Для этой надобности философия, следовательно, должна-де не столько разомкнуть замкнутость субстанции и поднять ее до самосознания, не столько вернуть хаотическое сознание к мысленному порядку и простоте понятия, сколько, наоборот, свалить в кучу то, что разделено мыслью, заглушить понятие, устанавливающее различия, и восстановить *чувство* сущности, дать не столько *уразумение*, сколько *назидание*. Прекрасное, священное, вечное, религия и любовь — вот приманка, которая требуется для того, чтобы возбудить желание попасться на удочку; не на понятие, а на экстаз, не на холодно развертывающуюся необходимость дела, а на бурное вдохновение должна-де опираться субстанция, чтобы все шире раскрывать свое богатство.

Этому требованию соответствуют напряженные и, можно сказать, страстно и раздраженно проявляющиеся усилия вырвать людей из погруженности в чувственное, низменное и единичное и направить их взор

к звездам; как будто они, совершенно забывая о божественном, намерены были довольствоваться, как червь, прахом и водой. В прежние времена люди наделяли небо огромным богатством мыслей и образов. Значение всего того, что есть, заключалось в той нити света, которая привязывала его к небу; пребывая на небе, вместо того чтобы держаться этой действительности (Gegenwart), взор скользит за ее пределы, к божественной сущности, к некоей, если так можно выразиться, потусторонней действительности. Око духа силой вынуждено было направляться на земное и задерживаться на нем; и потребовалось много времени, чтобы ту ясность, которой обладало только сверхземное, внести в туманность и хаотичность, в коих заключался смысл посюстороннего, и придать интерес и значение тому вниманию к действительности как таковой, которая была названа *опытом*. Теперь как будто нужда в противном — чувство так укоренилось в земном, что требуется такая же большая сила, чтобы вознести его над земным. Дух оказывается так беден, что для своего оживления он как будто лишь томится по скудному чувству божественного вообще, как в песчаной пустыне путник — по глотку простой воды. По тому, чем довольствуется дух, можно судить о величине его потери.

Это довольство получаемым или скупость в даваемом не подобает, однако, науке. Кто ищет только назидания, кто желает окутать туманом земное многообразие своего наличного бытия и мысли и стремится к неопределенному наслаждению этой неопределенной божественностью, пусть сам заботится о том, где его найти; ему не трудно будет найти средство выдумать для себя что-нибудь и носиться с этим. Но философия должна остерегаться желания быть назидательной.

Еще меньше основания у этого довольства, отрекающегося от науки, заявлять, что такое вдохновение и туманность суть нечто более высокое, чем наука. Эти

пророческие речи мнят, что пребывают в самом средоточии и в глубинах, с презрением взирают на определенность (ἄρος) и намеренно чуждаются понятия и необходимости, как и рефлексии, коей место — будто бы только в конечном. Но как бывает пустая широта, так бывает и пустая глубина; так же как бывает некоторая экстенсивность субстанции, растекающаяся в конечном многообразии и бессильная удержать его, так и бессодержательная интенсивность, которая, будучи чистой силой без расширения, есть то же, что поверхностность. Сила духа лишь так велика, как велико ее внешнее проявление, его глубина глубока лишь настолько, насколько он отваживается распространиться и потерять себя в своем раскрытии. В то же время, когда это не достигшее понятия субстанциальное знание заявляет, что оно погружает своебытность самости в сущность и философствует истинно и свято, то оно от себя утаивает, что вместо того, чтобы предаться Богу, оно, пренебрегая мерой и определением, напротив, лишь предоставляет свободу либо в самом себе — случайности содержания, либо в содержании — собственному произволу. Предаваясь необузданному брожению субстанции, поборники этого знания воображают, будто, обволакивая туманом самосознание и отрекаясь от рассудка, они суть те *посвященные*, коим Бог ниспосылает мудрость во сне; то, что они таким образом на деле получают и порождают во сне, есть поэтому также сновидения.

3. Истинное как принцип и его раскрытие

Впрочем, не трудно видеть, что наше время есть время рождения и перехода к новому периоду. Дух порвал с прежним миром своего наличного бытия и своего представления, он готов погрузить его в прошлое и трудится над своим преобразованием. Правда, он никогда не пребывает в покое, а вовлечен в непре-

рывное движение вперед. Но как у младенца при рождении после длительного спокойного питания первый глоток воздуха обрывает прежнюю постепенность лишь количественного роста, — совершается качественный скачок, — и ребенок появился на свет, так образующийся дух медленно и спокойно созревает для новой формы, разрушает одну частицу здания своего прежнего мира за другой; о неустойчивости последнего свидетельствуют лишь отдельные симптомы. Легкомыслие, как и скука, распространяющиеся в существующем, неопределенное предчувствие чего-то неведомого — все это предвестники того, что приближается нечто иное. Это постепенное измельчение, не изменившее облика целого, прерывается восходом, который сразу, словно вспышка молнии, озаряет картину нового мира.

Однако совершенной действительности в этом новом так же мало, как и в новорожденном младенце; и существенно не упускать этого из виду. Первое выступление есть лишь его непосредственность или его понятие. Как здание не готово, когда заложен его фундамент, так достигнутое понятие целого не есть само целое. Там, где мы желаем видеть дуб с его могучим стволом, с его разросшимися ветвями, с массой его листвы, мы выражаем неудовольствие, когда вместо него нам показывают желудь. Так и наука, венец некоторого мира духа, не завершается в своем начале. Начало нового духа есть продукт далеко простирающегося переворота многообразных форм образования, оно достигается чрезвычайно извилистым путем и ценой столь же многократного напряжения и усилия. Это начало есть целое, которое возвратилось в себя из временной последовательности, как и из своего пространственного протяжения, оно есть образовавшееся *простое понятие* этого целого. Действительность же этого простого целого состоит в том, что упомянутые формообразования, превратившиеся в моменты, снова, но в своей но-

вой стихии, развиваются во вновь приобретенном смысле и формируются.

В то время как первое явление нового мира, с одной стороны, есть лишь свернувшееся в свою *простоту* целое или его общее основание, для сознания, напротив того, еще не потеряно воспоминание о богатстве предшествующего наличного бытия. Во вновь появляющемся образовании оно не находит раскрытия и различения содержания; но еще в меньшей мере оно находит то развитие формы, благодаря которому с несомненностью определяются различия, и в их прочные отношения вносится порядок. Без этого развития наука лишена *общепонятности* и кажется находящейся в эзотерическом владении нескольких отдельных лиц; в эзотерическом владении — ибо она имеется налицо всего лишь в своем понятии или налицо имеется лишь ее «внутреннее»; нескольких отдельных лиц — ибо ее неразработанность делает ее наличное бытие единичным. Лишь то, что вполне определено, есть в то же время эзотерическое, понятное и годное для того, чтобы быть изученным и стать достоянием каждого. Рассудочная форма науки — это всем предоставленный и для всех одинаково проложенный путь к ней, и достигнуть при помощи рассудка разумного знания есть справедливое требование сознания, которое приступает к науке, ибо рассудок есть мышление, чистое «я» вообще; и рассудочное есть уже известное и общее для науки и ненаучного сознания, благодаря чему последнее в состоянии непосредственно приобщиться к науке.

Наука, которая находится только на начальной стадии и, следовательно, еще не достигла ни полноты деталей, ни совершенства формы, подвергается за это порицанию. Но если это порицание относить к сущности науки, то оно было бы столь же несправедливо, сколь недопустимо желание отказаться от требования упомянутого развития. Эта противоположность и есть,

по-видимому, самый главный узел, над развязыванием которого в настоящее время бьется научное образование и относительно которого оно еще не достигло надлежащего понимания. Одни кичатся богатством материала и понятностью его, другие пренебрегают, по крайней мере, последней и кичатся непосредственной разумностью и божественностью. Хотя первые — силою ли одной истины или также под напором других — приведены к молчанию, и, хотя они чувствовали себя побежденными в том, что касается сути дела, все же они не удовлетворены тем, что касается упомянутых требований, ибо эти требования справедливы, но не выполнены. Их молчание только отчасти вызвано победой [противника], отчасти же — скукой и равнодушием, которые обычно порождаются вследствие того, что ожидания постоянно возбуждаются, а обещания остаются невыполненными.

Что касается содержания, то другие¹, пожалуй, подчас легко довольствуются большой пространностью. Они собирают в своей области кучу материала, именно то, что уже известно и приведено в порядок, и так как они имеют дело преимущественно со странными и курьезными случаями, то им кажется, будто они тем более располагают всем прочим, с чем знание по-своему уже покончило, им кажется, будто они в то же время владеют и тем, что еще не подведено под правила, и таким образом подчиняют все абсолютной идее, которая тем самым будто бы во всем познается и вырастает в развитую вширь науку. Но если ближе присмотреться к этому развитию, то оказывается, что оно получилось не вследствие того, что одно и то же само себя по-разному формировало, а это развитие есть бесформенное повторение одного и того же, что только внешне прилагается к различному материалу и приобретает скуп-

---

¹ Шеллинг и его последователи.

ную видимость различия. Идея, сама по себе, быть может, и истинная, на деле всегда останавливается на начальной своей стадии, если развитие состоит лишь в таком повторении одной и той же формулы. Одна неподвижная форма, в которую обладающий знанием субъект облакает то, что перед ним находится, материал, погружаемый извне в эту покоящуюся стихию, — все это столь же мало, как и произвольные выдумки по поводу содержания, есть осуществление того, что требуется, а именно из себя самого проистекающее богатство и само себя определяющее различие форм. Напротив, это — одноцветный формализм, который доходит только до различения материала, а именно благодаря тому, что этот последний уже подготовлен и известен.

При этом формализм выдает эту монотонность и абстрактную всеобщность за абсолютное; он уверяет, будто неудовлетворенность ею есть выражение неспособности овладеть абсолютной точкой зрения и твердо ее придерживаться. Если в прежнее время достаточно было пустой возможности представить себе что-нибудь и по-иному, чтобы опровергнуть какое-нибудь представление, и та же голая возможность, общая мысль, обладала, кроме того, всей положительной ценностью действительного познания, то здесь мы равным образом видим, что вся ценность приписывается всеобщей идее в этой форме недействительности и что спекулятивным способом рассмотрения считается растворение того, что уже различено и определено, или, лучше сказать, низвержение его в бездну пустоты, далее не развиваемое и не имеющее оправдания в самом различенном и определенном. Рассмотрение какого-нибудь наличного бытия, как оно есть в *абсолютном*, состоит здесь только в утверждении, что хотя о нем теперь и говорилось как о некотором нечто, однако в *абсолютном*, в $A = A$, вообще ничего подобного нет, в нем

все едино суть. Одно это знание, что в абсолютном все одинаково, противопоставлять различающему и осуществленному познанию или познанию, ищущему и требующему осуществления, — или выдавать свое *абсолютное* за ночь, в которой, как говорится, все кошки серы, — есть наивность пустоты в познании. Формализм, на который жалуется и возводит хулу философия Нового времени и который возродился в ней самой, не исчезнет из науки, даже если неудовлетворительность его известна и ощущается, — пока познавание абсолютной действительности полностью не уяснит себе своей собственной природы. Ввиду того что общее представление, предваряя попытку его осуществления, облегчает постижение последнего, здесь полезно наметить в общих чертах нечто подобное ему, чтобы, воспользовавшись этим случаем, заодно отвергнуть некоторые формы, привычка к которым затрудняет философское познавание.

II. Развитие сознания до уровня науки

1. Понятие абсолютного как субъекта

На мой взгляд, который должен быть оправдан только изложением самой системы, все дело в том, чтобы понять и выразить истинное не как *субстанцию* только, но равным образом и как *субъект*. В то же время надо заметить, что субстанциальность в такой же степени включает в себе всеобщее, или *непосредственность* самого знания, как и ту [непосредственность], которая есть *бытие*, или непосредственность *для* знания. Если понимание Бога как единственной субстанции¹ возмущало эпоху, когда это определение было высказано, то причина этого заключалась отчасти в инстинктивном чувстве того, что самосознание при этом

---

¹ Имеется в виду философия Спинозы.

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	5
Аннотация	10
Предисловие	
I. Научная задача нашего времени	12
II. Развитие сознания до уровня науки	24
III. Философское познание	40
IV. Требования, предъявляемые к философскому изучению	60
Введение	74

[А. СОЗНАНИЕ]

I. Чувственная достоверность или «это» и мнение	91
II. Восприятие или вещь и иллюзия	104
III. Сила и рассудок, явление и сверхчувственный мир ..	121

[В. САМОСОЗНАНИЕ]

IV. Истина достоверности себя самого	157
А. Самостоятельность и несамостоятельность самосознания; господство и рабство	166
В. Свобода самосознания; стоицизм, скептицизм и несчастное сознание	178

[С. АБСОЛЮТНЫЙ СУБЪЕКТ]

V. Достоверность и истина разума	207
А. Наблюдающий разум	215
а) Наблюдение природы	218

b) Наблюдение самосознания в его чистоте и в его отношении к внешней действительности; логические и психологические законы	264
c) Наблюдение самосознания в его отношении к своей непосредственной действительности; физиогномика и френология	271
В. Претворение разумного самосознания в действительность им самим	306
a) Удовольствие и необходимость	315
b) Закон сердца и безумие самомнения	320
c) Добродетель и общий ход вещей	330
С. Индивидуальность, которая видит себя реальной в себе самой и для себя самой	340
a) Духовное животное царство и обман или сама суть дела	342
b) Разум, предписывающий законы	363
c) Разум, проверяющий законы	369
VI. Дух	378
А. Истинный дух, нравственность.	382
a) Нравственный мир, человеческий и божественный закон, мужчина и женщина ...	383
b) Нравственное действие, человеческое и божественное знание, вина и судьба	399
c) Правовое состояние	414
В. Отчужденный от себя дух; образованность	420
I. Мир отчужденного от себя духа	424
a) Образованность и ее царство действительности	424
b) Вера и чистое здравомыслие	457
II. Просвещение	467
a) Борьба просвещения с суеверием	468
b) Истина просвещения	497
III. Абсолютная свобода и ужас.	506
С. Дух, обладающий достоверностью себя самого. Моральность	517
a) Моральное мировоззрение	519
b) Перестановка	532
c) Совесть, прекрасная душа, зло и его прощение	545

VII. Религия	582
А. Естественная религия	591
а) Светлое существо	593
б) Растение и животное	595
в) Мастер	597
В. Художественная религия	601
а) Абстрактное произведение искусства	605
б) Живое произведение искусства	616
в) Духовное произведение искусства	622
С. Религия откровения	640
VIII. Абсолютное знание	676
Список терминов	697